

Вера ЗУБАРЕВА

"Дни, которых уже не вернешь": любовь и война Читая дневники отца

Памяти моего отца Кима Беленковича

Девятое мая... Марши, знамена, шарики — все, скорее, напоминало тогда нам, детям, карнавал. Война существовала только в книгах, учебниках, на экране, — а здесь, в жизни, было торжество, великий праздник Победы, и живые родители, молодые, как мы сегодня...

Отец никогда не рассказывал мне о войне. Конечно, я знала, что он воевал, но все это было только в сфере знания, и никогда не переходило

в сферу осознания. Во-первых, он совершенно не был похож на тех солдат, которые на экране говорили выпяренным языком передовиц и становились в позы памятника героям Сталинграда. Во-вторых, у отца было замечательное чувство юмора, которое просто бы не позволило ему вписаться в военную героинку того времени. Стало быть, думала я, война не была чем-то реально угрожающим моему отцу. Заблуждение мое длилось много лет, включая и годы жизни здесь, в Америке. Да, я всегда поздравляла его с этим днем, но делала это больше формально, не придавая того, особого, значения, которое этот день имел для него, и, разумеется, для меня. Только после его смерти мне открылась вся степень моего заблуждения...

Тетрадь в надорванной белой обложке, покрытой пятнами, проступившими и на страницах, напоминала потерпевший крушение корабль. Я открываю первую страницу и начинаю пробираться сквозь размытые, волно плавающие между линеек буквы, которые постепенно складываются в слова. И слова оживают, издавая глубокий вздох, как счастливцев, выброшенный из глубин океанских на берег. Тетрадь запела, зазвучала, и первыми ее строками были стихи, написанные на внутренней стороне обложки.

*"В суровых морях, в Атлантических водах,
Где серые дни, словно волны, плывут,
Где сердце мое зачерствело в походах —
Немало испытано сильных минут.*

*Вот ветер крепчает, и волны, как звери,
Окутавшись пеной, грозятся бедой.
Корабль болтает, стучат где-то двери
И кажется, небо слилось с водой.*

*Корабль, как пылинка среди грозных громадин,
То на гору лезет, то в пропасть летит.
Надстройки и винты в ледовом наряде
И в сто тысяч флейт лютый ветер свистит".*

Больше всех пострадала первая страница, датированная 1941 годом. Все же удастся восстановить почти всю запись, за исключением нескольких навсегда размытых слов, отчего смысл становится еще более страшным, а картина — еще более реальной.

Из дневника 1941 года:

"Я начинаю новую тетрадь своих заметок. К сожалению, предыдущие с друзьями погибли при условиях довольно неблагоприятных (слова размыты. — В. З.), так что... (слова размыты. — В. З.) спасении тогда бы меня не было и мы... (слова размыты. — В. З.) Быть может, когда-нибудь я вспомню об этом и допишу ту небольшую тетрадочку... Сейчас мне было бы очень трудно просмотреть "дела давно минувших дней" и снова вспомнить пережитое. Но пока пора кончать мое вступление и начать, наконец,

1941 г., октябрь. Начало ноября. Дата начала теперешней тетради. Удивительно, как изменчива судьба! "Что день грядущий мне готовит?" Однако, если об этом думать, придешь к не совсем уже утешительному выводу.

День накануне моего совершеннолетия мне, кажется, запомнится навсегда. Это было тринадцатое число. Как же ненавижу я эту цифру! По неволе становишься фаталистом, хотя осознаешь, что это абсолютный абсурд. Я хорошо запомнил эти бледные, перепуганные, растерянные лица, рука, держащая пистолет у виска, густые клубы пара, заволакивающие всю эту картину, и судно, медленно погружающееся в воду... Картины (слова размыты. — В. З.) смерти (слова размыты. — В. З.).

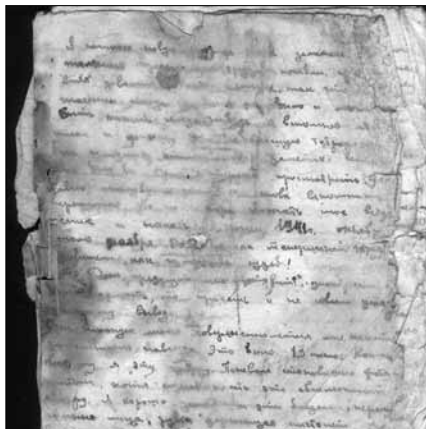
Меня волнует отсутствие всякой связи с матерью и сестренкой. Связь с отцом была потеряна с момента его взятия в армию. Где они? Что с ними?.."

Семья же в это время, по воспоминаниям папиной сестры, моей тети Жени, бывшей тогда совсем девочкой, переправляется с обозами беженцев прочь от дома. Бегут почти налегке — самый тяжелый груз не в руках, а на сердце, поскольку незадолго до эвакуации получены были две похоронки — одна на моего дедушку, папиного отца, который воевал в пехоте, а другая — на моего отца. Похоронки пришли в один день, и моя бабушка трясущимися руками раскрыла обе. Отец был ее любимцем, и таким остался до конца ее дней. Тетя Женя рассказывала мне, что эта любовь у них была обоюдной, хотя мне, ребенку, было трудно себе представить, что отец может любить кого-либо сильнее или так же сильно, как меня.

— Ты на нее похожа, — говорила мне тетя Женя.

Я никогда не знала свою бабушку — она умерла задолго до моего рождения, но ее портрет, который отец вывез с собой сюда, как самую большую ценность, стоит у меня на столе напротив его портрета. Мне хотелось, чтобы они всегда смотрели друг на друга, как это было при жизни от-

ца, когда он внутренним взором обращался к ней и посвящал странички своих дневников. Вместе с бабушкиным портретом он также вывез маленький обрывочек бумаги — ее письмецо, наверное, единственное, что было написано ею. В нем она сообщала ему, что купила для него новые удобные туфли, которые собиралась передать с оказией... О, мелочи повседневной жизни, как много вы можете поведать тому, кто отыскивает вас в раскопках времени!

Когда моя бабушка молча положила оба письма возле моей прабабушки, в честь которой меня назвали Верой, та поднесла их к глазам, о чем-то задумалась, а затем сказала: "Мужа не жди. Он не вернется. А Кима жди. Он жив." Каким образом она могла прочитывать тайнопись судьбы, никто не знал. Но факт оставался фактом — моя мудрая прабабка была наделена необычным даром видения (умышленно говорю видения, а не предвидения, поскольку мне чужда идея запрограммированности будущего). Кроме того, она была целительницей и умела снимать головную и зубную боль, а также высокую температуру.

Вскоре после получения похоронок вся семья отправилась в эвакуацию. Они ехали длинной и трудной дорогой, и точно такой же длинной и трудной дорогой ехал мой отец, ничего не знавший о них, и дороги эти, столь схожие, пока не пересекались.

Из дневника 1941 года:

"Скоро Новый год. В течение двух недель я имел небольшой так называемый отдых, которым сменилось путешествие Тамань — Джимэтэ до Новороссийска на грузовике. Этот сравнительно небольшой участок пути мы прошли в течение трех суток. Как с первого взгляда кажется просто, но когда вспомнишь длинную однообразную дорогу, метель и небольшой морозец, за спиной котомку чуть меньше двух пудов и на ногах порванные сапоги, а впереди и сзади тебя идут еще тринадцать таких же, как и ты, то поневоле становится грустно. Как длинна и однообразна зимняя дорога! Впереди и сзади по дороге, насколько может видеть глаз, столбы

и столбы. Столбы без конца... Сколько мыслей приходит в голову в течение этого пути! Мысли набегают друг на друга, и так же быстро, как приходят, тут же и улечиваются из головы... Но они никак не могут заглушить основную мысль, основной вопрос, когда же дойдем, когда же конец пути?"

Очевидно, об этом же думала и папина семья, двигаясь в длинной колонне беженцев. Однажды на рассвете моя прабабушка проснулась и разбудила свою дочь и внучку. Обе недовольно протерли глаза: рано, холодно, чем дольше спишь, тем легче переносишь голод и тряску. Но моя прабабка казалась необычно встревоженной на сей раз.

— Проснитесь, проснитесь же! — тормошила она дочь и внучку.

— Что, мама? — тихо спросила дочь, еще в полусне.

— Береги Женю, слышишь? Береги Женю! Меня оставь, если что, а от Жени не отходи!

К вечеру она сделалась беспокойной, стала метаться, а потом у нее начался жар. Диагноз был поставлен почти сразу — сыпной тиф. Всех тифозных немедленно отделяли и клали на другие подводы. Перед моей бабушкой встал выбор — следовать ли за матерью или остаться при дочери. Стиснув зубы, она попрощалась с моей прабабкой, лежавшей в беспмятстве, и с делала так, как та ей с утра велела, — осталась с дочерью. А к вечеру и тете Жене стало плохо, поднялась температура, и вскоре она потеряла сознание. Очнулась только в госпитале спустя несколько дней и никак не могла понять, что произошло и где ее семья. Вскоре выяснилось, что ее бабушка умерла от тифа и похоронена где-то в братской могиле, а мать в соседней палате поправляется.

— Не плачь, деточка, не плачь, — успокаивала ее медсестра, принесшая обе вести. — Погоди, все образуется. Бог милостив — видишь, мать жива и скоро тоже встанет на ноги...

И жизнь их потихоньку стала входить в колею военных будней, ставших уже привычными. То же самое происходило и с жизнью моего отца, от которого по-прежнему не было вестей.

Из дневника 1941 года:

"Теперь жизнь моя пошла немного более спокойно, сравнительно, конечно. Правда, это никак не назвать нормальной жизнью, но что-то приближающееся к этому. С 3 числа я поступил работать на "В". Часто бываю в клубе на танцах и в кино, иногда езжу в город.

Некоторое время я встречался с Ш. Я познакомился с ней на танцах. Она небольшого роста, быстрая и хорошенькая девушка, к тому же хорошо танцует. Иногда после танцев или прогулок я провожал ее домой и у дома садился на скамеечке и болтали о всякой всячине. В один из таких вечеров мы пошли в турецкий сад и взобрались немного выше — в лес. Там она призналась мне в любви. Мне было неприятно осознавать, что я не испытываю подобного чувства к ней, и я, отшучиваясь, замял этот разговор. Многие парни хотели бы встречаться с Ш. Для меня же Ш. была только приятной собеседницей и хорошим партнером в танцах. В дальнейшем она поняла это. Мы с ней еще до сих пор не потеряли дружественных отношений, хотя она и встречается теперь с другим парнем. Точка и ша".

Так я с удивлением узнала, что война не отменила ни мыслей, ни чувств, естественных, казалось бы, только для мирного времени. Балансируя над пропастью, в которую обрушивались все новые и новые жертвы войны, люди, тем не менее, умудрялись вить свои временные гнезда и строить планы на будущее. *"Меня не оставляет вопрос о дальнейшей судьбе моей учебы, т. е. о дальнейшей моей судьбе, — пишет мой отец, тогда еще 18-летний юноша. — Что-то нужно предпринять, но что — пока для меня неясно. Финал 1941 года".* Как будто бы и не был он на грани жизни и смерти, как будто бы не рвались кругом снаряды, заволакивая будущее пылью неопределенности. Многие думали только о том, как бы выжить, он же никогда не снисходил до инстинкта. Не выживаемость, а собственное развитие, профессиональное и человеческое, ставил он во главу угла.

Его планы всегда реализовывались, его мечты всегда сбывались, и его слова всегда находили подтверждение. Едва вынырнув из-под цепкой хватки смерти, он уже размышлял о будущем и о своем месте в нем. Отец никогда не любил мыслить от шага к шагу, ему нужно было видеть картину в целом, чтобы определить свои координаты и выбрать правильный курс. Наверное, поэтому мальчик матрос и стал впоследствии капитаном.

Из дневника 1942 года:

"The 1942! The zone (light) is in the blue sky. Very well! This morning is beautiful. This is my lay off. Редко бывают у меня такие хорошие дни, но когда они бывают, я стараюсь их использовать так, чтобы после не жалеть о пропавшем дне, чтобы это действительно был выходной день в полном смысле слова. Часто мне это удается достигнуть. К вечеру вы-

ходного дня я иду или в кино, или к другу поболтать, а иногда на танцы. За последнее время они очень надоели. Меня абсолютно уже не тянет на танцы. Танцевальный идеал сменился другим. В это время подходит, вероятно, период, когда я должен расстаться с работой. Мне уже надоело вечное ворчание этого старого дурака капитана. Время от времени я не выдерживаю и огрызаюсь, а однажды даже поругался с ним в присутствии всей команды".

Пока его сверстники спешно хватают сиюминутные радости в передышке между военными действиями, понимая, что жизнь может оборваться в любой момент, он изучает английский, ведет дневник, читает, много раздумывает. Во всей этой суматохе войны, смешавшей судьбы и планы, он пытается найти себя, двигается дальше, не довольствуется достигнутым. И при всем при этом он остается наивным и юным. Внутренняя чистота и благородство были неизменными его качествами с молодости. Еще не испытывавший любви, конечно же, втайне мечтающий о ней, он, тем не менее, понимал, что нельзя клевать на подделку, нельзя играть чувствами других. Мужественность его характера сочеталась с нежным и преданным сердцем человека, умеющего любить.

Из дневника 1942 года:

"Пару дней назад сюда приехала группа радисток из Баку. В этот же день со мной случился небольшой конфуз — я отморозил себе правое ухо и даже не заметил, как это случилось. Ухо приняло огромнейшие размеры и немного издали напоминает блин в масле. Придется мне с ним повозиться в течение некоторого времени.

Среди радисток, которые приехали на практику, есть пара хорошеньких, вернее, средненьких, девочек. Одна из них черненькая, небольшого роста, не знаю, правда, ее имени, мне немного понравилась. Если судить по внешнему виду, она должна быть ветреной или, быть может, она ни с кем не встречается и ради проведения времени — сегодня с одним, а завтра с другим".

Так начинается новая страница его военной молодости, которую можно озаглавить банально: "первая любовь". Уже само определение содержит зыбкость и преходящесть этого чувства: раз была первая, то будет и вторая. Отец же всегда был против подобного подхода к отношениям. Его идеалом была глубокая внутренняя связь, чтобы раз и навсегда, что-

бы штиль и девятый вал — вместе. Красоту жизни он видел в сближении двух душ, в таинстве их объединения друг с другом и вселенной. Его взгляд всегда был обращен к звездам. Даже в последний день нашей встречи, не предвещавший конца, он смотрел на бегущие облака, на приливы и отливы голубизны на горизонте, и я знала, что он ощущает себя частью безраздельного космоса...

Как бы там ни было, но и ему не удалось избежать быстротечности первой любви, вместе с присущими ей ошибками и нелепостями.

Из дневника 1942 года:

"Познакомился, т. е. разговорился с Л. Интересно, как быстро мы сблизились! Еще вчера она была для меня почти совсем посторонним человеком, а сегодня я чувствую, что она близка мне. Это та, о которой я мельком упомянул выше. До нашего разговора я не думал, чтобы она могла быть такой, какой она показалась мне теперь. Постепенно она мне все больше и больше стала нравиться. В первый вечер я мог ее только уважать, она мне немного понравилась; а теперь — "Люблю ли тебя я — не знаю, но, кажется мне, что люблю." Да, это так. Пусть она казалась мне ветреной, пусть это даже окажется впоследствии истинной правдой, но все же не смотря ни на что I love her! Мне кажется, что и она меня немного любит. Она мне говорила об этом".

Нет, вряд ли эта девушка, уже испытывавшая хрупкость военного счастья, отдавала себе отчет в том, кого ей привелось повстречать на своем поспешном пути. По-видимому, для нее это было не больше, чем очередная игра в чувство, возможность испытать в сжатый военный срок то, что неспешно разворачивается в мирной жизни. Ее трудно в этом винить. Многие скороспелые отношения того времени подточены этой скрытой логикой смертника. Отец же ощущает этот "мир на грани распада" по-иному. Для него важен не статистический опыт, а то сокровенное и настоящее, что нельзя ни заменить, ни симитировать.

Итак, ему 18 лет, Идут бои, кто-то уходит в плавание и больше не возвращается. Безвременные утраты частично восполняются новыми друзьями. Он переходит на другой пароход, вернее, теплоход, на котором начинает подготовку к новому рейсу. Он молод, думает о жизни, и зреющая в его сердце любовь звучит вызовом рвущимся неподалеку снарядам.

"Через день, наверное, идем в рейс. Сегодня заскочил проведать Л. Хотя я был там и недолго — обеденный перерыв, но все же увидел ее. Вечером мы с ней встретились. Она зашла ко мне... Была в каюте. Поболтали немного и я ее проводил назад. Я окончательно в нее влюбился, и если придется мне с ней расстаться, то мне будет очень тяжело это сделать".

Увы, чем больше он раскрывался ей и себе, тем сильнее проявлялась их разность. Смотрящие в небо несовместимы со стоящими обеими ногами на земле... "Непрактичный ум" отпугивает искательниц прочного счастья. Они и представить себе не могут, что именно из таких, как мой отец, и получаются те самые легендарные капитаны.

"Снова зашел на "дуб". Меня встретили ребята (они уже знают, что я встречаюсь с Л.) с неприятной для меня вестью. Она как бы подтвердила мое первоначальное мнение о Л. Мне стало грустно и чего-то жаль, что я познакомился с ней. Я решил не подходить к ней, хотя она была в шести шагах от меня. Внешне я не подавал виду, что расстроен, что у меня камень на сердце, и всецело был занят каким-то пустяковым разговором.

Я уже собирался уходить, когда мне кто-то сказал, что она просит меня подойти. Я подошел. Произошел небольшой разговор. Я ей сказал об услышанном, но она сказала, что это ложь. Короче — мы с ней помирились, и я остался почевать у нее. Утром я ушел на судно. Мы ушли в Камыш-Бурун. Я с ней простился у парохода, когда еще шла погрузка. Наутро я вспомнил о ней, и мне захотелось ее увидеть. Я сел у столика и начал что-то чертить карандашом. У меня ничего не выходило. Только почему-то рука моя писала букву "Л", хотя я чертил сам не знаю что. Я решил написать ей письмо, но из этого ничего не вышло. Я написал только первые два слова, а потом не знал, о чем писать дальше. И как-то само собой, не замечая этого, я начал писать что-то похожее на карикатуру стихотворения. В смысле литературы оно не представляет никакого интереса, но интересно то, что я первый раз, можно сказать, нечаянно высказал свои мысли в "стихотворной" форме. Вот то, что у меня вышло.

* * *

*Совсем случайно мы встретились с тобою:
Был тихий вечер, я подсел к тебе,
И этой тихою вечернею порою
Я полюбил тебя. Все было, как во сне...*

*Я помню: вечер временной разлуки.
Шептали оба нежные слова;
Потом пожали мы друг другу руки,
И я ушел, пока не навсегда.*

*И снова встретились. Я прилетел на крыльях
Увидеть милую, услышать милый глас,
Но показалось мне, что ты уж все забыла,
Что эта ночь разъединяет нас...*

*Но нет, клянусь, тебя я не забуду —
И как забыть мне милую любовь?
Я наши встречи вечно помнить буду
И взгляды нежные, понятные без слов".*

Она превратилась в его музу, сама того не подозревая, и ее образ, очищенный от реальных черт, помогал раскрываться его творческому потенциалу. Так проходили дни и недели вдаль от берега, вдаль от суетной реальности. Даль размывает ухабы и неровности суши и являет только плавности ландшафта, маня моряка обманной безмятежностью. И моряк стремится к ней в своем трудном плавании, как путник стремится к горизонту.

Сколько дней проходит от одной записи до другой — порой определить трудно. Ни одна из страниц его дневников не датирована. Эта особенность его заметок разных лет поражает. Что за этим стоит? Ощущение иного, непрерывного внутреннего времени, которое адекватно первозданному космическому времени? Читаешь — словно плывешь по безбрежному морю записей, медленно перекатываясь с одной волны на другую...

Находясь в эпицентре военных действий, он, тем не менее, смотрит на войну как на нечто временное, преодолимое, словно знает, что выйдет целым и невредимым из пекла. Размышления о будущем не покидают его. Передалось ли ему это качество "видеть" по наследству от его бабушки, или просто речь идет о мужестве оставаться человеком в любых обстоятельствах?

Из дневника 1942 года:

"Может быть, за это время ничего не происходило, о чем можно было упомянуть в моих записках? Нет, было много такого, о чем я в другое вре-

мя непременно вписал бы в свою "летопись", но главное все же составляла тогда (да и теперь) моя любовь к Л. Иногда мне приходилось много из-за этого переживать. Даже ночью, стоя на баке вперёдсмотрящим, я думал о ней. Она не выходила у меня из головы. Однако из этого не стоит делать вывода, что я потерял голову. Ничуть нет. Наоборот, я решил самостоятельно продолжать свою учебу. Остаться в дальнейшем матросом для меня было бы очень обидно. Разве для этого я восемь лет учился в школе и потратил два года в техникуме? Но пока такое время, что с этим считаться не приходится. После войны это все уладится. При благоприятном случае это может уладиться и до конца войны. В последнее время я потерял почти всех своих знакомых девушек. Они меня абсолютно перестали интересовать. Даже к старым знакомым я перестал заходить. Если бы я перестал встречаться с Л. или долго бы ее не видел, я был бы совершенно одиноким. Завязывать новые знакомства мне абсолютно не хочется".

Да, его целеустремленность только крепчала вместе с крепчающими штормами и шквалом воздушных атак. Его волевые качества особенно поражают, когда видишь, в каком сочетании с мягкостью и теплотой характера они находятся. Отец очень любил уют и всегда умело сооружал вокруг себя свой собственный мир, недостижимый для штормов и рвущихся неподалеку снарядов. Этот мир был его крепостью, непроницаемой для внешних разрушительных стихий. Я имею в виду его внутренний дом, пристань души, которую он умело и бережно сооружал в самых невероятных условиях

Из дневника 1942 года:

"На море сильный ветер от NO, и мы стали на якорь из Кабардинки. В каюте тепло, и никого, кроме меня, нет. Воспользовавшись этим, я продолжаю записывать всякую ерунду в мою терпеливую тетрадь. Как приятно лежать в это время в теплой каюте, читать газету или какую-нибудь книжонку под свист ветра — равномерное покачивание судна, стоящего на якорь!

Скоро наступит весна. Еще месяц-полтора — и распустятся почки на деревьях, и зацветут цветы. И теперь иногда выпадают хорошие теплые деньки. Хорошо в такие дни пройтись в парк или забраться куда-нибудь в лес, полежать на травке или загорать на солнце. Но это летом. Сейчас только начало, и об этом пока нечего и думать".

Следующая страница дневника — Керчь. Как хотелось бы мне знать поподробнее, кто и с какой целью отдал этот дьявольский приказ, когда судно отца было выставлено на внешний рейд и пребывало на виду у врага в качестве пушечного мяса! Несомненно, за этим крылся некий план, и, как обычно, человеческие потери не принимались в расчет. Избежав одного потопления, мой отец был опять поставлен в ситуацию, когда пришлось смотреть в лицо смерти.

Из дневника 1942 года:

"Снова начались дни, которые я испытывал в ноябре в немного больших масштабах. Эта чертова Керчь, наверное, никогда не изгладится из памяти. Нет дня, чтобы не было налетов. Ежедневно налетают по 4-5 раз в день группами от 4 до 12 самолетов. Уже скоро кончатся снаряды для наших пушек, хотя мы начали вести огонь экономно. В это время отпадает всякое желание работать. Уже дней десять как я не брился, не снимаю даже рабочей робы до самого сна. Вчера вечером был массовый налет. Мы стояли (уже четвертые сутки!) на внешнем рейде. Весь Керченский канал был освещен прожекторами и взрывами снарядов. В воздухе стоял сплошной вой от летящих снарядов, осколков, свистящих и рвущихся бомб. Мы были в центре этого содома. В ста — ста пятидесяти метрах упали и разорвались в воде три бомбы, которые легли параллельно правому борту. Они, вероятно, предназначались для нас.

Вчера на моих глазах сбили один самолет. лейтенант сказал, что в этот день сбили еще одного "Фрица". Два летчика спустились на парашютах. Сегодня наш "ишак" (так называют у нас И-16) сбил тоже одного двухмоторного бомбардировщика. Однако несмотря ни на что, ни на какие бомбардировки, я все время вспоминаю о моей любимой, славной девчурке. Как хотелось бы мне снова ее увидеть! Мы уже не виделись с ней целых двенадцать дней. Это, мне кажется, целая вечность. Даже во сне она мне часто снится. (Даже сейчас, несмотря на туман, прилетел "Фриц", и я вынужден был прекратить временно свою писанину.)"

Когда тебя отсекают от мира, и будущее в любой момент грозит разлететься вдребезки, первым естественным порывом будет найти, восстановить связь времен, дабы не быть растерзанным этим свихнувшимся временем. В своей маленькой каютке, между сушией и небом, слушая разбойничий свист смерти, отец возвращается мысленно в детство, потому что детство имеет могучие волшебные корни: выкорчевать такое дерево жизни

сложно даже и смерти. Возвращение в прошлое особенно характерно для минут, когда мост между настоящим и будущим шаток, и нужно закрепить свою связь с жизнью, прильнуть к ней и уткнуться в ее теплый живот воспоминаниями. Воспоминания — это мосты, связывающие быстротечное и непреходящее, смертное и вечное.

Из дневника 1942 года:

"Иногда вспоминаешь свое детство и школьные годы. Это было сравнительно недавно, но настоящее никак нельзя сравнить с прошлым. Я помню, как в нашем большом залитом асфальтом доме собирались мы теплым летним вечером и болтали обо всем. Тут были и анекдоты, и Шерлок Холмс, и Нат Пинкертон с их ужасными и увлекательными путешествиями. Особенно в рассказах отличался Михаил Тернов, мой друг, с которым я дружил более семи лет. Он был высокого роста, немного сутулый и уже в очках от бесконечного чтения книг, которые он читал запоем. Интересно рассказывал анекдоты Володя Брейман, мой сосед, одноклассник, паренек среднего роста, плечистый. Он очень увлекался рисованием, и все рисунки нашей стенгазеты были сделаны им. Вовка Коваленко был непрочь подшутить над девочками, веселый паренек, любитель футбола, тоже часто рассказывал, но рассказы его были из действительной жизни, и он им часто придавал юмористический оттенок. Два брата — Адольф и Эмиль — здорово отличались друг от друга. Эмиль был серьезный, хороший паренек, часто любил играть в шахматы, домино и волейбол, а Адольф — наоборот — замкнутый, хмурый, его во дворе почему-то недолюбливали.

Много было в нашем дворе ребят и девочек (двор имел двадцать четыре квартиры), но это были основные, костяк двора. Приятно иногда вспомнить, что было хорошего совсем недавно! Эти дни уже никогда не вернуться, и я не жалею об этом. Сейчас другие дни, и если мне удастся их пережить, то тогда будет много о чем вспомнить. Ну и все пока. Уже поздно — часов десять — пора ложиться спать: завтра снова утром на работу. И, послав из Керчи в Новороссийск воздушный поцелуй любимой, я начинаю укладываться спать. Good bye!"

Образами света и веры населял он свой шаткий мир, чтобы сделать его прочным и непроницаемым для катаклизмов. Это качество осталось неизменным. Сколько я его помню, от него всегда исходила жизнеутверждающая энергия. Выражение лица можно как-то подделать, но свет, который излучает душа, подделать нельзя.

Из дневника 1942 года:

"Да! Снова пою песнь свою. Опять с того самого места, что и в прошлый раз, я пишу свой дневничок. Мы стоим на рейде. Уже двадцатые сутки, как мы вышли из Новороссийска и, признаться, до того надоело стоять тут, что пешком бы пошел, кажется, в... куда-нибудь подальше от этой Керчи. Дня четыре-пять "Фриц" не летал над нами, и мы за это время немного отдохнули. Погода преимущественно стояла хорошая, солнечная. Мы начали красить свой теплоход. Изредка солнечная погода сменялась туманами, которые шли из Азовского моря, и тогда все были уверены, что "Фриц" не прилетит. За это время мы в Керчи достали байдарку и покрасили ее. Скоро сделаем весло и будем кататься на ней, если будут соответствующие условия. Но все это ерунда, это проза — поэзия еще впереди".

Увы, и в этом он был прав: "поэзия" грядущей бомбежки была впереди с ее дьявольским запрограммированным ритмом падающих снарядов и обилием рвущихся из глоток зениток гласных. Каким чудом уцелело его судно, груженное боезапасами, оставленное на виду у всех, атакуемое беспрерывно в течение десяти суток? Какая игра стояла за всем этим? К сожалению, теперь вряд ли удастся это узнать.

Из дневника 1942 года:

"Сегодня после небольшого перерыва "Фриц" сделал очередной визит. Сегодня прилетело двенадцать "Фрицев". Я побежал на бак к пушке. Там, кроме комендора, никого не было, и мы начали вдвоем стрелять. Мне показалось, что один наш снаряд попал в крыло "Фрицу", но он почему-то продолжал лететь дальше. Во всяком случае, этот самолет мы подбили. Через некоторое время с другой стороны тоже прилетели самолеты. Очень много бомб они сбросили на город, на приморскую часть. Я не понимаю, из каких соображений держат судно, груженное боезапасом, на виду у всех на внешнем рейде более десяти суток? Но мы — маленькие люди и "не должно сметь свое суждение иметь", хотя больше всех достается нам".

О чем думает человек в такие минуты, когда принятие решений не зависит от него, когда все практически уже решено? Мой отец думал о том, что "решено" еще не означает "предрешено", и он погружался вновь и вновь в мысли о жизни, самое яркое проявление которой есть любовь.

Из дневника 1942 года:

"И грустно, и скучно... Неужели я больше не увижу мою любименькую Л.?"

*Хотел бы в единое слово
Я слить свою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.*

*О, если б то слово печали
К тебе, дорогая, дошло!
Ты б вспомнила, как мы встречались.
Придется ль увидеться вновь?..*

Да, ужасно хотел бы ее увидеть. Интересно, о чем она сейчас думает. Думает ли... она обо мне... или, быть может, уже встречается с другим... Мне кажется, что пока этого быть не может. Хочет ли она видеть меня так, как я хочу видеть ее? Черт возьми! Я действительно влюблен в нее по уши, если не до макушки.

Опять уже хоть и десять часов вечера, "Фриц" навестил снова Керчь. Одного поймали прожектора, но сбить его не смогли, и он себе преспокойно улетел спать, наверное, до завтрашнего утра. Весело. Ну, пока все. Лягаю спочивать до ранку. Надобраніч, моя любя!"

Где ты, женщина, которой посвящены эти самые поэтичные страницы военных записок отца? Я благодарна тебе за то, что твой образ, во многом придуманный отцом, стал для него светом маяка, пробивающегося сквозь месиво стихий человеческих и природных. Ты внесла упорядоченность в хаос и всплеск в затишье — и в этом и была твоя великая роль вдохновительницы военного времени.

Так шли дни за днями, приравненные по напряжению к годам мирного времени. Наконец, показался Новороссийск.

Из дневника 1942 года:

"Город Новороссийск встретил нас не по-праздничному. 1 Мая провели в Анапе. Впервые за 22 дня мы вступили на твердую почву спокойно. Час спустя после прихода теплохода на судне не было половины команды, после двенадцати, кроме вахтенных и нескольких человек администрации, на судне не было ни одного человека. Баланс дня: четверых забрали в милицию,

пятеро еле дошли до трапа, а остальные, за небольшим исключением, изрядно подпили. Веселый день 1-го Мая! В Новороссийск еженощно прилетают "Фрицы". Много разрушенных зданий, но это преимущественно небольшие домики. В Новороссийске Л. не увидел. Она пока находится в Батуми. Придется ли еще ее увидеть? Хотелось бы увидеть ее, и чтобы она уехала в Баку, домой. Тут плавать опасно. Ежедневно неприятные новости: "Восток", "Пушкин" и другие — покойники. Хотя и хотелось бы быть вместе, но лучше одному рисковать, чем двум. Может, после войны (если жив останусь, в чем сомневаюсь) мне удастся снова ее увидеть и принять остаточное решение. В управлении записался на курсы штурманов малого плавания, которые будут в Ростове. В списки уже занесли, но зачислят ли? Выгорит ли номер? Получил дубликат комсомольского билета. Ну, пока спешу кончать. Сейчас писал и спешил, поэтому грязно и безграмотно написано. Куда спешил, и не знаю".

"Еще прошла неделька. Как много новостей произошло за это время! Нет, я вру — прошло уже около двух недель с момента последней записи. Писать ли обо всем? И хочется, и колется. Это заняло бы много времени, и к тому же, некоторое мне не хочется, вернее, боюсь даже доверять моей молчаливой тетради. Первое — это наша встреча с Л. Как я ждал ее и как все это просто вышло! Потом они (я подразумеваю ее пароход) стояли рядом с нами, и она иногда заходила ко мне. Все практикантки уже уехали в Баку, она осталась одна. Быть может, она поедет в Ростов, куда ее хотят направить. Дальше видно будет. Тут часто попадают знакомые. Некоторые мои бывшие соученики уже тоже многое пережили. Один из них, Н. Ш., награжден орденом Красного Знамени, другой — Г. З. оторвало руку, трое занимаются в Батуми, двое сидят, некоторые плавают, некоторые в Армии.

Наш теплоход переходит, вероятно, в военное ведомство. В общем, в ближайшем будущем должны быть большие перемены, может быть, даже решающие в дальнейшей жизни. Что именно — не знаю".

"Итак, я продолжаю. Пишу 25 мая. Это первая дата во всей моей летописи. Сажу на старом месте и пишу, откуда же и в прошлый раз. Я не знаю уже, т. е. не помню, когда у меня было хорошее настроение. Это было, кажется, во время последнего свидания с Л., да и отчего могло быть хорошее настроение? Вспоминаю: хорошего мало; настоящее — ничего хорошего; будущее — в ближайшем ничего хорошего. Немного под-

держивали настроение письма от матери и встречи с Л., но сегодня это отсутствует. Сегодня получил от мамы письмо, которое меня очень взволновало, — первая новость, и потом узнал, что Л. вчера только выехала в Ростов. Я не знаю, чем можно объяснить, что она не пришла ко мне попрощаться. Этим может кончиться наша история. Я ее очень любил, и она меня любила не меньше. Каждый вечер первое время мы с ней встречались. Чаще всего она заходила ко мне, и мы оставались в каюте вместе. Как хорошо было тогда! Потом она оставалась у меня ночевать, и мы спали вместе. У нас не было друг от друга секретов. Все шло так хорошо и вдруг сломалось. Вчера уехала в Ростов. Быть может, это и есть конец.

*Четыре месяца прошло одним мгновеньем,
Настал разлуки грустный час.
И вот теперь — с каким-то сожаленьем —
Я чувствую — даль разлучила нас...*

Завтра думаю писать письмо матери и немного ободрить ее. Жду письма от Л. Пока все. Писал уже только об одном. Уже 25-е мая 1942 г. Может быть, это начало".

Дождался ли он письма от Л.? Если и так, то это ничего не изменило в характере их отношений. Эта женщина имела совершенно другое предназначение в его жизни, возможно, более значимое, чем то, о котором он мечтал. Именно этой встрече он обязан первым проявлениям своего литературного дара.

"Сколько уже времени прошло с того дня! Сегодня 11 сентября, т. е. уже прошло три с половиной месяца. За это время произошло очень много перемен".

Но об этих переменах мы уже никогда не узнаем. Следующая запись датирована 1944 годом, о чем он попутно, вскользь, упоминает в середине записок. Там, в мире его дневников, время по-прежнему не дробится. Девушки Л. уже нет, но грусть то ли по ней, то ли по пережитому все еще витает на страницах, не разделенных датами. Любил ли он ее, была ли она просто той кромкой берега, тем пристанищем души, оглушенной разрывами бомб и требующей отдохновения в мечтах, — навсегда останется предметом наших догадок. Как они расстались — не доверено страницам днев-

ника. Известно только, что он потерял свою первую любовь. Жизнь, как война, не обходится без потерь.

Последняя запись в дневнике военных лет посвящена матери, дому, а также тем дням "тревог и волнений", о которых он писал в стихах, помещенных на обложке тетради.

*"Сколько дум передумано, сколько мыслей прошло
Под унылое пение ветра, под волны монотонный напев...
Надо мной небо вечно туманное и седой океан подо мной.
О тебе лишь мои все мечтания, о любимой, желанной, родной.*

*Не пройдет наша молодость зрелая —
Прочь вы, черные думы-ужаи.
И не плачь ты, турга озверелая, —
Слышишь?! В сердце огня не туши!*

*Знаю, все преходяще — желания,
Радость дружбы, блаженство любви,
Тайны бывшие станут нетайными,
Страсти стихнут, угаснут мечты...*

*И быть может, под старость забвение
Будет в том, что порой вспомнешь
Эти дни — дни тревог и волнений,
Дни, которых уже не вернешь..."*

Из дневника 1944 года:

"Вчера было грустное настроение. Все время вспоминал о матери, сестре, и захотелось мне просмотреть мой дневник, вернее, записки, которые я писал в 1941-1942 г. Они навеяли на меня воспоминания. Вспомнились бомбежки, обстрелы, рейсы, уходя в которые, часто не надеялся возвратиться в родной. И в нем же я снова прочел, что неразлучно со мной во всех невзгодах, во всех скитаниях была семья, в особенности славная, постаревшая, наверное, за это время, но в тысячу раз ставшая ближе ко мне за время разлуки мать.

Дорогая мама! Образ твой всегда стоит у меня перед глазами. Как хочется увидеть тебя счастливой среди нашей семьи! Пароход уходит в рейс. Таможенный досмотр окончен. Формальности также. Я сижу за

столом в небольшой, но уютной каютке. Вокруг полная тишина, и тараканы ласково улыбаются на потолке. Сейчас вечер, поздний мартовский вечер 1944 г. (...) Что будет?"

Я останавливаюсь на этой последней записи и тихо приоткрываю дверь в его каюту. Он не видит меня и ничего обо мне не знает. И я не могу рассказать ему о его будущем, потому что таков закон. Это обоюдно: он не может узнать о том, что будет, а я не могу узнать о том, что было. До поры до времени, конечно. Но на какой-то миг наши времена пересекаются, и он вдруг поднимает глаза и улыбается мне из тумана, и я тихо поздравляю его с грядущим праздником Победы, о котором он пока не знает, но веру в который я вселяю в него в этот миг, я — его Вера.

